

По щучьему веленью.

Как и в каждой сказке, хочу сказать, что жил-был Емеля. Жил в большом городе, на самом его краю в частном доме.

Жил не один, а с батей и матушкой. Ну, ещё у них был кот Лентяй и собака Звоночек. Правда они к делу не относятся.

В доме Емеленых родителей, несмотря на то, что кругом было газовое отопление (и правда, чего это с дровами возиться), была ещё и печка.

Не часто топили её. Но, тем не менее, в целях экономии газа, иногда топили. И любил Емеля на той печке, когда затопят, возлежать и думу думать. И делал это регулярно и с завидным постоянством.

О чём он думал, так он, наверное, и сам не знал. Но, то, что возлежал, так это точно.

И вот, как-то в одну зиму, он, как всегда, возлежал, батяне приключилось худо. А что тут удивляться. Батяня был в годах уже.

Если без лукавства, то батя, истинный христианин, очень тревожился за Емелю. Тот ни Библию в руки не возьмёт, ни лишний шаг не ступит, чтобы как-то выказать свою веру и любовь к Господу.

Вот и придумал батя такую хитрость.

И вот, прилёт батяня на кровати, кряхтит да охает, Емелю зовёт.

Пришлось спуститься Емеле с печки:

- Чего там батя? Что с тобой? Занемог?

- Есть чуток Емелюшка. Угоди старику, налови рыбки, сваргань ушицу. А то помру без неё.

- Ты чего, батя. Вон зима на улице. Лёд с метр на реке. Какая рыба? Лучше давай денюгу, я в магазин слётаю, куплю какой-нибудь мойвы. Нажарю, глядишь и оклемаешься.

- Не Емеля, так не пойдёт. Возьми в сенях бур, в кладовке удочку и шпарь-ка сынок на речку, карасиков с пяток налови.

Делать нечего. Взял Емеля всё, как батя велел, влез в валенки и тулуп и побрёл на речку.

Дорога не близкая, да погода не балует. Ветер хлещет Емелю ладошками из колючего снега прямо по щекам. Мороз щиплет то за нос, то за бороду. А за спиной завывает вьюга как голодный волк.

Бредёт Емеля дороги не разбирая.

Долго ли, коротко ли брёл, но добрёл до речки. Вышел на лёд. Достал бур, и давай лунку во льду сверлить.

Сверлил, сверлил, сверлил, сверлил и высверлил.

Не успел Емеля вытащить бур из воды, тут что-то из той лунки как выпрыгнет!

Глянул Емеля, а это здоровенная щука. Развалилась на льду, один здоровенный плавник изогнула кольцом, подперев голову, второй вдоль тела расположила. И говорит Емеле:

- Ну привет. Молодец, что дал возможность мне выскочить. А то, там в воде, совсем запарилась. Вот тут, на свежем воздухе, отдохну, отдышусь чуток.

Услышав такое Емеля чуть с раскладного стульчика не свалился. Потом опомнившись, потянулся Емеля, чтобы щуку взять, а та как щёлкнет пастью, в которой целый ряд мелких хищных зубов:

- Стой где сидишь. А то мигом тебе пальцы попиляю. Вот скажи, чего ты припёрся по такой непогоде на реку?

- Да батя помирает, уши просит.

- Уши говоришь? М..да, - задумалась щука.

- Да мне немного, - решил успокоить щуку Емеля: - с пяток штук, батяне хватит.

- С пяток говоришь? Ну что же, с пяток, так с пяток. Давай, закидывай свою удочку.

- Как закидывай? - удивился Емеля: - а ты что, не поможешь?

- А чем я тебе помогу? Хвостом ловить буду? Так на хвосте у меня и наживки нет.

- Ну, я думал там – по щучьему веленью... И так далее. Ну сама знаешь.

- Тоже мне, сказок наслушался. Давай трудись давай, фантазёр.

- Тоже мне, - в тон щуке сказал Емеля: - а ещё говорящая.

Но, делать нечего. Достал Емеля удочку, только собрался закидывать в лунку леску, тут щука и говорит:

- Погодь чуток, подтолкни лучше меня к лунке. Я тебе малость подсоблю.

Подтолкнул Емеля щуку к лунке, та нырь в воду и будь такова. Только из воды послышалось, как эхо из далека:

- Знаешь ведь, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда. А в одной умной книге так вообще написано: А кто не работает, тот пусть и не есть вовсе.

- Издевается ещё, - пробурчал Емеля себе под нос.

Но, удочку закинул и смиренно сел у лунки.

Долго ли, коротко ли сидел Емеля, но чу... клюёт.

Выдернул удочку – карасик! Снова закинул, клюёт, и снова карасик. И так пяток и наловил.

Принёс домой, батя хвалится:

- Во, батяня, наловил!

А тот ему в ответ:

- Добре сынок. Теперь начисть, промой и свари ушицы, а то, вот не ровен час, совсем помру.

- А матушка что, не сможет?

- Чего матушка, матушка. У неё и так забот хватает. А ты что? Ишь, попривыкал на кого-то надеется. Быстро чисти, кому сказал. А то вот возьму и помру.

Пошёл Емеля на кухню, а по дороге бурчит себе под нос: по щучьему веленью, по щучьему веленью, вот угораздило мне, по щучьему веленью.

Долго ли, коротко ли, но сварганил Емеля уху. По всем правилам сварганил. Хватило же мудрости.

Мудрости, надо сказать, тут немного. Почистил, помыл, закинул в кастрюлю с водой. Закипело, набросал разных специй для уха, их вон сколько в магазинах, уха готова.

Принёс батя, тот ест морщиться:

- А что это ты Емеля состряпал-то?

- Как что? Уху! Как и просил.

- Нет Емелюшка, это не уха, это лень твоя в кастрюлю навалена. Небось магазинную химию приправил? Что, совсем отравить меня решил? Иди-ка снова на речку, снова налови окуньков.

Как тут с батей поспоришь. Умрёт ведь без уха.

Собрался Емеля и снова на речку отправился.

А погода ещё пуще лютует. Совсем небо посерело. Ветер ещё яростнее лупит снежными ладошками по щекам, мороз ещё настырнее щиплет, куда только влезет. А вьюга уже не просто волком, а целой стаей воет.

Добрался Емеля до лунки. Умастился на стульчик рядом. Только собрался удочку закидывать, тут и щучья морда из лунки выторнулась.

- О, привет! Что опять припёрся?

- Да вот, уха снова нужна.

- А что, тех карасей не хватило?

- Да хватило. Но, не понравилось батю, как я их приготовил.

- Ишь ты! Мудрый у тебя батя. Ну что же, лови, мешать не буду. Только смотри, пяток, не более.

Так Емеля и сделал. Наловил пяток, принёс батю, отчитался.

А тот снова его на кухню посылает.

И снова Емеля чистит, моет, варит. Уже и картошечкой увар заправил, и на перловку чуть расщедрился, лаврушки подкинул. Ну всё, вроде бы, как заправский шеф-повар.

Принёс батю, тот ест и морщится.

- Что не так, батя?

- Сам-то пробовал?

- Как могу, для тебя старался. Чтобы больше было.

- Да не есть я тебя заставлял, а пробовать. За соль что, совсем забыл.

И тогда вспомнил Емеля, что как раз соль-то он в уху и не закидывал.

- Это не уха, - констатировал батя: - бегом на реку, лови ещё.

- Ну батя, соль можно и сейчас добавить.

- Ты что такое говоришь? Или варится с солью, или потом добавлять. Для тебя что, совершенно нет разницы? Ну и сына воспитал, вообще без всякого понятия. Марш на реку, кому говорю. А то вот возьму сейчас и помру.

Что делать Емеле, бредёт снова. А погода вообще разбушевалась. Небо куда-то провалилось, вьюга так метёт, что за метр впереди ни зги не видно. Уже не ладошками, а кулаками метель бьёт Емелю колючим снегом по лицу. Щиплет куда попало уже не украдкой, а просто бесцеремонно врываясь под Емелин тулуп. И вьюга завывает уже не просто хором, а целым академическим оркестром.

Всё же добрёл Емеля до лунки. Сел над ней и ждёт, когда же щучья морда вытырнется. Ждёт, ждёт, а её всё нет и нет.

И задремал Емеля над лункой. И снится ему, будто щука с нимбом над головой, берёт его за руку своим плавником и ведёт куда-то к облакам. А там город прекрасный. А там постоянно встречаются прекрасные добрые с улыбками на устах, приветливые люди. И музыка звучит не громкая, но такая знакомая и в тоже самое время, совершенно не знакомая. И видит он блик впереди себя, да такой, что глазам больно смотреть, ну прям-таки, солнце. И голос от блика исходит:

- Ну что Емеля, наловил рыбки?

- Да ты что!?! Где тут рыбка?

- Всякое слово, исходящее из уст Моих, хорошо приправленное солью и специям, есть та рыбка, которую тебе бы поймать и других накормить. Не о том ли тебе твой батя намекает?

И тут Емеля почувствовал такой дикий холод. И опомнился Емеля у лунки. И никакая щучья морда из той лунки не показывалась.

Вскочил Емеля со складного стульчика, быстро собрал все снасти, и почти бегом домой.

Прибежал, даже к бате не пошёл. Быстро скинул полушубок и валенки, и к полке с книгами.

А там, вся в пыли и паутине, посреди полки, Библия.

Схватил её Емеля и на печь.

Три дня и три ночи не могли матушка и батя дозваться Емели с печи.

На четвёртый день слез Емеля с печи и давай матушке и бате рассказывать о том, как прекрасен Господь и как много Он для них делает. И как он, Емеля, совершенно не обращал внимание на свою никчемную жизнь. И как они теперь прекрасно заживут, зная правду о Царе царей и Господе господ.

А матушка и батя слушали его раскрыв рот и не перебивали.

Ибо теперь точно знали, что и сами не даром жизнь прожили, и в любой миг им помирать не страшно. Ибо их сын Емельян настоящий «рыбак» и досыта накормит любого добротной «рыбой», словом, данным ему и исходящему от Самого Господа!

Можно и дальше рассказывать эту сказку.

Рассказать, как Емеля когда-то, приходя в церковь, садился в самом конце молитвенного зала и совершенно безучастно слушал проповеди, и совершенно равнодушно созерцал на всё, что происходило вокруг.

А тут, вдруг переродился. И стал проповедовать с кафедры да так, что каждое слово ложилось прямо в сердца слушающих.

Стал активно принимать участие в служениях церкви. Ездить на евангелизации, ходить по больницам и одиноким.

А в своём посёлке!

То, раньше ходил, опустив голову. Самое большее, что мог, так это буркнуть из-под носа: «зрасте», и брёл себе дальше.

А тут, при каждом удобном случае, остановится, поинтересуется делами, спросит, не нужна ли какая помощь. И расскажет, да так расскажет о Господе, что загорится сердце у соседа или соседки.

И стали люди приходить в дом Емели. И стали слушать его, как он чудно рассказывал о Господе.

И стали идти в ту церковь, которую посещал Емеля, каяться там и оставались дальше служить Господу.

Можно много рассказывать о Емели, но...

Сказка ложь, но в ней намёк, кто поймёт, с тем близко Бог!